

является, собственно говоря, ни хорошим, ни божественным, и не Бог оперирует душою и порождает ее». Напротив: «все, что свойственно божественной природе, все это целиком свойственно праведному и божественному человеку; поэтому этот человек делает то, что делает Бог, и вместе с Богом он творит небо и землю, порождает Божественное слово, и Бог не смог бы сделать ничего без такого человека».

У Мейстера Экхарта неоплатонизм, который св. Фома с точно выверенным расчетом нагрузил аристотелизмом, а св. Альберт Великий подчинил натуральной теологии бытия, вновь выступает в чистом виде и освобождается от всех смешений, которые были ему навязаны. Он не просто возвращается к Эриугене и Дионисию Ареопагиту, но делает это наперекор Фоме Аквинскому и Альберту Великому, то есть сметая перегородки, которые эти теологи сохранили или соорудили для защиты от него. Доктрина Экхарта была лишь умозрительным любопытством, лишенным духовной жизни, которая могла бы вдохнуть в нее жизнь. Поскольку душа в своей глубинной сущности связана с Божеством, она, безусловно, никогда не может быть вне Бога, но она может или быть накрепко привязана к себе самой и отдаляться от Него, или, наоборот, быть привязанной к своим глубинам и соединиться с Богом. Чтобы достичь этого, человек должен искать Бога вне творений, и первое условие успеха этого деяния состоит в том, чтобы понять, что эти творения сами

по себе, то есть независимо от того, что есть в них божественного, суть чистое ничто. Поэтому любовь творений и погоня их за наслаждениями не оставляют в душе ничего кроме печали и горечи. Единственное творение, которое может привести нас прямо к Богу, — это сама душа, которая благороднее всех прочих творений. Осознавая свои границы и добровольно отрицая их, душа отказывается от всего, что делает ее частным и детерминированным сущим. Когда упадут путы, удерживающие ее, и преграды, которые однажды оторвали ее от всего остального мира, она ощутит в себе лишь нераздельность своего бытия с Богом, от которого она произошла. Отказываясь от себя ради любви к Богу, человек обретает себя; отказ, отречение от себя для Бога, благодаря чему душа обретает свою независимость и полную свободу, достигая своей чистой сущности, — вот высшая добродетель. А высшая степень высшей добродетели зовется Нищетой, ибо тот, кто достиг этого совершенства, ничего более не знает, ничего не может, ничем не владеет; возвратившись к Богу, душа растворяется в себе самой, утрачивая чувство всякой детерминации. Отсюда следует, что все традиционные нравственные предписания вторичны или тщетны. Молитва, вера, благодать, таинства остаются только предуготовлениями и средствами, чтобы достичь еще более обширного видения. Необходимые, когда душа начинает отказываться от самой себя и внешних вещей, они становятся бесполезными с того момента, когда в душе произошло словно новое рождение Бога. Тогда человек может отказаться от всего, и даже от Бога, ибо он не может желать того, чем обладает; благодаря этой высшей добродетели человек сливается с Богом в блаженстве единения.

Идеи Экхарта отнюдь не просты, и этим объясняется замешательство историков, которые пытаются резюмировать их одной формулировкой или даже обозначить одним наименованием. Некоторые видят в них прежде всего мистику, другие — диалекти-

6. Умозрительный мистицизм

ку Платона и Плотина, — и возможно, все они правы. Чтобы исключить все это из философии и теологии Экхарта, недостает многого. Быть может, был бы недалек от истины тот, кто представил бы Экхарта душой, обуянной любовью к Богу, которую,